

Теоретическая социология и социологическое воображение

Цель образования: социологическое воображение

Обучение социологов преследует четыре цели: (а) научить *языку* этого предмета, набору понятий, с помощью которых познается социальная реальность, (б) привить определенный взгляд на предмет, *перспективу* подхода к социальной реальности; (в) научить применять *методы*, процедуры и технику эмпирических исследований; (г) использовать информацию об основных *фактах* и сведениях о современной общественной жизни. Объединим пункты (а) и (б) — язык и перспективу — одним названием «социологическое воображение», заимствованным из классической работы Чарльза Райта Миллса. По определению Миллса, «социологическое воображение помогает нам понять историю и биографию, а также связь между ними внутри общества» [1, р. 3]. Проанализируем значение данного определения и распространим понятие социологического воображения за рамки, в которых его использовал Миллс.

Под социологическим воображением я понимаю умение или способность рассматривать общество под определенным углом зрения. Это умение включает пять компонентов: (а) рассматривать все социальные явления как результат деятельности социальных агентов, индивидов либо групп и идентифицировать этих агентов; (б) понимать скрытые за поверхностью явлений структурные и культурные ресурсы и ограничения, влияющие на социальную жизнь, в том числе те возможности, которые имеются в распоряжении агентов (Мирра Комаровски писала «Чтобы распознавать невидимую социальную структуру, от студентов требуется терпеливое формирование социологического взгляда на общество» [2]); (в) изучение предшествующей традиции, живого наследия прошлого и его постоянного влияния на настоящее; (г) воспринимать общественную жизнь в ее динамике, изменчивом процессе становления [3]. (д) признание огромного разнообразия и вариантов форм проявления общественной жизни (Эверетт Хьюз определяет одну из главных задач социологического образования следующим образом: «Освобождение [познания] посредством расширения границ человеческого мира, проникновения во внутренний мир других людей и сравнения с миром других людей и других культур — не единственный аспект социологического воображения. . Однако все это составляет его значительную часть, поскольку является частью человеческой жизни» [4, р. 16]).

Иными словами, социологическое воображение — это вытекающая из признания разнообразия и множественности социальных установлений способность связать любое событие в обществе со структурным, культурным и историческим контекстами, а также с индивидуальными и коллективными действиями членов общества.

Ч. Райт Миллс приводит следующий пример: «Одним из результатов изучения социологии должно стать умение читать газету. Чтобы разобраться в газетных материалах, что является очень непростой задачей, необходимо научиться связывать сообщаемые события, понимать их в связи с более общими представлениями о жизни общества, а также тенденции, частью которых они являются... Суть дела заключается в следующем: социология — это, прежде всего, способ выхода за рамки того, о чем мы читаем в газете. Она дает систему понятий и вопросов, помогающих нам сделать это. Если этого не происходит, то социология, как часть либерального образования, оказывается несостоятельной» [5, р. 16-17]. Преподавание социологии не сводится к «книжной социологии», оно должно ориентировать на «социологию в жизни», что позволит давать более глубокие интерпретации и лучше понимать то, что нас окружает. По словам классика социологии Роберта Парка, «при отсутствии стремления интегрировать знания, полученные в аудитории, с опытом и проблемами действительной жизни процесс обучения становится простым педантизмом. Этот педантизм проявляется в отсутствии ясных суждений и практического понимания вещей, которое мы называем здравым смыслом» [6]. Мирра Комаровски также подчеркивает, что «не существует большей опасности в образовании, чем та, когда студенты изучают социологические категории на чисто формальном, словесном уровне, не наполняя их всей полнотой жизненного содержания; когда эти слова остаются стерильной частью мышления, относительно не связанной с потоком жизни, который пытаются объяснить при помощи этих слов» [7].

На мой взгляд, развитие социологического воображения и навыка его применения в социальной жизни является абсолютно необходимым в образовании социологов, как тех, кто планирует заниматься академической наукой, так и тех, кто выбирает профессии, ориентированные на практику

Социологическое воображение и теоретические ресурсы

Развитие социологического воображения почти то же самое, что овладение социологической теорией. Речь идет не о запоминании имен и школ, определений и аргументов. Суть дела заключается в применении теории, то есть соотнесении ее с конкретным опытом, рассмотрением текущих проблем современного общества, его дилемм и возможностей, а также с осмыслением наших личных судеб и жизненных возможностей в контексте теории. Социологическое воображение должно вооружить нас своеобразной картой, ориентацией в хаосе событий, изменений, трансформаций. Оно должно дать нам более глубокое понимание мира, более ясный взгляд на вещи, следовательно, дать нам более широкие возможности сознательно и рационально строить свою жизнь и заниматься общественными делами. Я собираюсь рассмотреть ресурсы, необходимые для теоретической подготовки социологов, которыми вооружает нас социологическая традиция, а также новейшие достижения в социальной теории.

Сокровищница теоретических идей обнаруживается в истории дисциплины, с начала XIX века до наших дней. Преподавание истории социологии не является

пустым копанием в прошлом. Традиция в нашей дисциплине все еще чрезвычайно сильна. Большая часть понятий, моделей, вопросов, проблем, изучаемых сегодня, унаследованы нами от мастеров XIX века. Они заложили крепкие основы социологическому «предприятию», а их труды до сих пор не потеряли актуальности. Труды социологов-классиков следует изучать не как исторические памятники, в контексте того времени или в связи с биографиями авторов, а в контексте нашего времени, поскольку их основные идеи проливают свет на нашу действительность. Разумеется, их следует воспринимать критически и осуществлять необходимый отбор. Мои собственные предпочтения включают, разумеется, «трех великих»: Карла Маркса, Макса Вебера и Эмиля Дюркгейма — бесспорных гигантов социологии. В число достойных изучения авторов я бы включил Огюста Конта, Герберта Спенсера, Георга Зиммеля, Фердинанда Тённиса, Вильфредо Парето, Алексиса де Токвиля, Чарльза Кули, Уильяма Самнера и Джоржа Мида. Чтение и перечитывание их работ чрезвычайно важно для открытия новых взглядов и проблем, формулирования вопросов социологии, критическая их оценка посредством сопоставления с нашими собственными идеями. В трудах знаменитых социологов XIX-начала XX века мы образцы интеллектуальной работы. По словам Роберта Мертона, «проникновение в творческую лабораторию таких проницательных исследователей как Дюркгейм и Вебер помогает нам формировать нормы хорошего вкуса при определении значимой социологической проблемы — значимой прежде всего в теоретическом отношении — и найти путь к ее удачному решению. Классика — это, по определению Сальвемини, "libri fecondatori" — книги, которые обостряют ум погруженных в них читателей» [цит. по: 8, р. 31 -32]. Есть и еще одна положительная сторона: студент понимает, что мир социологии имеет много измерений, очень сложен и поэтому для его понимания требуется много подходов. Изучение истории социологических теорий — важный урок теоретического плюрализма, терпимости к различным версиям и разнообразию взглядов, лучшее лекарство против узколобого догматизма и ортодоксии.

Обратимся к современной социологической теории и ее значению для преподавания. На мой взгляд, в современной социологии мы сложились четыре типа теории и теоретической деятельности, которые имеют разное значение для образовательных целей, для формирования социологического воображения. В порядке убывания их значимости я буду рассматривать: (а) объяснительную теорию; (б) эвристическую теорию; (в) аналитическую теорию; (г) экзегетическую теорию.

«Теоретический бум»

В целом, конец XX века был хорошим временем для социологической теории. Всего лишь полвека назад часто активно обсуждался вопрос о кризисе в социологической теории (например, О. Гоулднер). Теперь ситуация изменилась. Многие разделяют мнение британского социолога Дж. Деланти, что «в настоящее время социальная теория занимает очень сильные позиции» [9]. Действительно,

это заключение имеет под собой основания. Рассмотрим институциональные и организационные аргументы. Исследовательский комитет по теоретической социологии (RC-16) Международной социологической ассоциации, который основали мы с Джеффри Александером в 1986 году, стал одним из самых крупных среди пятидесяти исследовательских комитетов ассоциации. В Американской социологической ассоциации теоретическая секция — самая многочисленная. За последние десятилетия значительно увеличили подписку теоретические журналы, появились новые периодические издания: «Theory, culture&society», «European journal of social theory», «Theory» (издается Американской социологической ассоциацией), «Theory and society». Новый «Journal of classical sociology» готовится к выпуску в свет издательством «Sage» под редакцией Брайана Тернера. Изданы крупные теоретические работы: «Polity reader in social theory» [10], «Blackwell companion to major social theorists» [11], «Handbook in social theory» [12]. Результаты современных теоретических исследований обобщаются в монографиях Патрика Берта «Social theory in XX century» [13], Джона Скотта «Sociological theory: contemporary debates» [14]. Крупные издательства — «Полити пресс», «Кембридж юниверсити пресс», «Сэйдж» выпустили в свет множество теоретических книг, как классических, так и современных, в том числе такие серии как «Cambridge cultural social studies» (Кембридж, под ред. Александра и Сейдмена). В различных странах мира проводятся теоретические конференции. Недавно мне довелось участвовать в конференциях «Новый взгляд на теории социальных изменений» (Монреаль, 2000) и «Новые источники критической теории» (Кембридж, 2000). Характерно, что теория после долгого путешествия по Северной Америке вернулась в свою колыбель, в Европу [15]. Именно в Британии, Франции и Германии уделяется сейчас наибольшее внимание теоретической работе. По свидетельству Нейла Смелсера, «за последние 50 лет центр тяжести общей теоретической мысли фактически переместился из США в Европу, и это перемещение обозначено трудами таких исследователей как Ален Турен, Пьер Бурдьё, Юрген Хабермас, Никлас Луман и Энтони Гидденс. Многие современные теоретические разработки в США возникли под влиянием этих социологов на преподавателей и выпускников университетов» [16]. Аналогичное мнение высказывает Брайан Тернер: «Европейская социальная теория, возможно, снова займет доминирующую позицию в мировом развитии социальной теории» [17].

Объяснительная теория

О чем говорят эти факты? Придерживаясь старой, традиционной оппозиции «теория vs исследование», либо «теоретическая социология vs эмпирическая социология» (как это было в дискуссии Т. Парсонса и Р. Мертон в 1947 году на ежегодной конференции Американской социологической ассоциации [18], можно было бы подумать, что первоочередное внимание к теории означает отход в сторону схоластики и в царство чистых идей, уход от реальных социальных проблем и конкретных социальных фактов, отказ от эмпирических исследований. Такое предположение очень далеко от истины. На самом деле, ситуация —

совершенно противоположная. Впечатляющее продвижение теории вызвано тем, что она получила признание во всех областях эмпирической социологии, нашла свое место среди всех областей социологии и, наконец, признана важным и необходимым компонентом социологических исследований. Разделение теории и исследований более невозможно. Вместо этого мы наблюдаем широкое распространение теорий, в которых рассматриваются разнообразные социальные проблемы.

Теоретики и исследователи встретились на пути друг к другу. Многие теоретики более не занимаются абстрактными идеями, а обращаются к таким реальным проблемам, как глобализация, личность, риск, доверие, гражданское общество, демократия, новые формы труда, социальные эксклюзии, культурные травмы и т.д. Эмпирические исследователи более не ограничиваются регистрацией фактов и сбором данных. Вместо этого они предлагают обобщающие модели на основе систематизированных фактов. Таковы теория девиантности, теория коллективного поведения, социальных движений, этничности, теория массовой информации, концепция социального капитала, постматериалистических ценностей и т.п. В 2000 г. опубликован учебник по социологии под редакцией С. Куа и А. Сейлса [19]. Цель этой книги — суммировать положение дел в разных областях социологии, и каждая глава содержит значительную часть теоретических сведений. В результате теория приближается к реальным «социальным проблемам», то есть проблемам простых людей (*common people*), а к эзотерическим «социологическим проблемам», проблемам профессиональных социологов. Теория дает объяснения насущным социальным вопросам (создавая гипотезы, более или менее проверяемые на практике). Она может оказать влияние на более широкую аудиторию, простых людей, направляя их мышление, предоставляя им «карты» отдельных областей их общественного «жизненного мира».

Первый тип теории можно назвать объяснительной теорией. Она представляет собой то, что Брайан Тернер называет «сильной программой» для теории [17, р. 6]. Зададимся тремя важными для этого типа теории вопросами: теория чего, для чего и для кого? Теория чего? Это теория реальных социальных проблем. Она отвечает на вопросы, почему растет преступность, почему возникают новые общественные движения, откуда возникает бедность, почему возрождаются этнические настроения? По Мертону, Бурдьё и Тернеру, теория вырастает из исследований и должна быть направлена на исследования. «Чтобы теоретический результат имел значение, он должен основываться на постановке проблем» [20]. «Социальная теория процветает и выживает наилучшим образом тогда, когда она занимается эмпирическими исследованиями и общественными вопросами» [17, р. 12]. Для чего? Чтобы дать объяснения, или, по крайней мере, модели для лучшей организации разрозненных фактов и явлений, интерпретации множества различных событий и явлений. Для кого? Не только для коллег-теоретиков, но для простых людей, чтобы дать им ориентацию, просвещение,

понимание своего состояния. Важная роль теорий — «обеспечивать информацию для демократического дискурса» [21, р. 429]. Эта роль станет еще более ощутимой по мере того, как демократия будет устанавливаться все в новых и новых странах, особенно важна ее роль в будущем «обществе знания», обществе информированных и образованных людей, которых волнуют социальные и общественные вопросы, где демократия приобретет форму «дискурсивной демократии» [22].

Можно сформулировать гипотезу в рамках «социологии знания»: причины такого успеха объяснительной теории коренятся в быстрых, радикальных, широчайших социальных изменениях. Мы сейчас переживаем «новый великий переход» (перифразируя К. Поляни). Во времена изменений возникает особая потребность в теории. Социологи испытывают особое давление со стороны простых людей (common people), а кроме того политиков, которым нужна ориентация в этой неразберихе. Все они хотят знать, откуда мы пришли, где мы есть и куда идем. Никакие факты и цифры не могут ответить на такие вопросы. Адекватные представления об обществе, карты социальных отношений могут быть предоставлены только с помощью обобщенных объяснительных моделей. «Ничто так не требует от нас теоретических изысканий, как опыт исторических изменений и межкультурное разнообразие» [21, р. 431].

Преподавание объяснительных теорий является для меня самой важной целью социологического образования, особенно во времена широчайших социальных изменений. Подобная теория дает самый сильный толчок для развития социологического воображения, поскольку она соединяет теоретизирование с конкретным опытом.

Эвристическая теория

Перейдем ко второму типу теории. Теоретические ориентации я бы назвал эвристической теорией, которую нельзя проверить непосредственно, но которая плодотворна, поскольку создает понятия, образы, модели. Эвристическая теория близка к социальной философии, особенно к онтологии или метафизике социального мира, так как пытается ответить на три вечных онтологических вопроса о строении социальной действительности: (а) что является основой социального порядка?; (б) что составляет природу человеческой деятельности? (в) каковы механизм и направление социальных изменений? Этими вопросами занимались все классики-основатели социологии. Примерами классической ориентации, преобладавшей в середине нынешнего столетия и пытавшейся решить такого рода вопросы, были структурный функционализм, символический интеракционизм, теория обмена, марксизм. С тех пор появилось несколько новых тенденций, которые мы рассмотрим позже.

Каковы характерные черты подобной теории? Зададимся тремя нашими вопросами. Теория чего? Основ социальной реальности. Она ставит вопросы не «почему», а «как»: как возможен социальный порядок (как существуют социальные группы, как люди живут вместе, сотрудничают, сосуществуют), как

выполняются социальные действия, как развиваются социальные изменения? Теория для чего? Для того, чтобы создать категориальный аппарат для более конкретной объяснительной теоретической работы, предложить значимые категории для осмысления разрозненных фактов. Теория для кого? В основном, для исследователей, создающих объяснительные модели отдельных областей мира, отвечающих на конкретные вопросы.

Впечатляющее развитие подобных эвристических теорий в конце века может быть объяснено не социальными фактами, а интеллектуальными достижениями. Этот успех следует рассматривать не в терминах социологии знания, а с позиций истории идей. Кажется, что он вызван новыми достижениями в развитии общественной мысли; новыми тенденциями, увлекательными и оригинальными перспективами. Возникла интеллектуальная напряженность, свойственная «парадигматическому смещению» (Т. Куи [23]), на самом деле — трех параллельных парадигматических смещений, которые мы наблюдаем в новой теории. Первый сдвиг — это сдвиг от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил. Другими словами, происходит сдвиг от «первой» ко «второй» социологии [24]. Социальный порядок видится как возникающий, конструируемый, постоянный результат достижений агентов действия, производимый и воспроизводимый человеческим действием. Примеры такой теоретической перспективы можно найти в работах П. Бергера и Т. Лукмена, Н. Элиаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё. Второй сдвиг — это переход от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (*social becoming*). Акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям. Наилучшим образом этот подход представлен «исторической социологией» (Дж. Тилли, М. Арчер, Т. Скочпол и П. Штомпка [3, 8]). Третий сдвиг — переход от образа «гомо экономикус» (расчетливый, рациональный, целеустремленный деятель), представленного в «теории рационального выбора» (Дж. Коулмэн, Дж. Эльстер), и от «гомо социологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом» (Дж. Александер, Н. Луман, Р. Мюнх) к «гомо когитанс» (знающий и понимающий участник, информированный и ограниченный коллективными символическими системами знаний и веры). Эта тенденцию часто называют интерпретативным поворотом, культурным поворотом, лингвистическим поворотом. «Современная социальная теория изменила свое лицо, отдав приоритет культурным явлениям и культурным отношениям» [17]. Она имеет много разновидностей. В одной из них, которую иногда называют ментализмом, первоочередное внимание уделяется инвариантным компонентам человеческого сознания. Сюда относятся структурализм К. Леви-Стросса и Ф. де Соссюра, феноменология А. Шютца. Вторая разновидность «культурного поворота» называется текстуализмом. Она представлена постструктурализмом, или теорией дискурса М. Фуко, где социальная реальность трактуется как

разновидность текста со своей семантикой и грамматическими правилами. Третью версию иногда называют интерсубъективизмом. Большой вклад в нее внес Хабермас своей теорией коммуникативного действия. И, наконец, имеется ответная реакция на «сверхинтеллектуализированный образ человека». Человек думающий, человек знающий — да, но не только в форме дискурса. Акцент смещается на практическое знание (Э. Гидденс), «этнометоды» (Гарфинкель), а также тело как инструмент действия (Б. Тернер), эмоции как сопутствующие действия, вещи, которыми человек пользуется, встречаемые объекты, окружающая среда как контекст действия. Индивиды трактуются как носители упорядоченных, типичных наборов практических действий (П. Бурдьё).

Таким образом, современная социология характеризуется большим разнообразием эвристических ориентаций. Их преподавание может оказаться полезным для студента прежде всего взглядом на общество с различных позиций, что необходимо для понимания общественной жизни.

Аналитическая теория

Третью разновидность теории можно назвать аналитической теорией. Она обобщает и проясняет понятия, дает типологии и классификации, пояснения и определения. Ее применение имеет важное значение, но она играет вспомогательную, инструментальную роль. Аналитическая теория рискует переродиться в постоянное совершенствование инструментов без их определенного применения, либо в конструирование закрытых категориальных систем. Попытки создать закрытые концептуальные системы, специальные языки для общей социологии, как кажется, закончились с работой Никласа Лумана (ранее только у Толкотта Парсонса были похожие цели). Но в некоторых узких сферах такого рода усилия весьма полезны, они восходят к тому, что Р. Мертон называл теориями среднего уровня [цит. по: 25, р. 41-50]: эмпирически обоснованные концептуальные схемы, применимые к конкретным эмпирическим проблемам (например, мертоновские теория ролей и ролевых репертуаров, теория референтных групп, теории стратификации, мобильности, аномии, девиации и т.д.).

Какова природа подобной теории? О чем она? О содержательных понятиях, полезных для понимания вещей. Для чего? Для определения, раскрытия, пояснения явлений или их важных характеристик. Для кого? Для социологов — теория создает для них канонический словарь, технический язык для работы с предметом, этот язык намного яснее обыденного языка и языка здравого смысла. Преподавание аналитической теории имеет огромное значение для развития способности студента думать и говорить на языке социологии. Она дает студенту основные инструменты профессии. В вводных курсах социологии первостепенное внимание должно уделяться исключительно этому виду теории.

Экзегетическая теория

Четвертый тип теории можно назвать экзегетической теорией. Она заключается в анализе, толковании, систематизации, реконструкции, критике

существующих теорий. Конечно, экзегетическая теория особенно значима для подготовки к теоретической работе. К ней следует относиться как к этапу в научной карьере, периоду обучения. Через эту стадию прошли большинство выдающихся теоретиков: Т. Парсонс в работе «Структура социального действия» [26], Э. Гидденс в работе «Капитализм и современная социальная теория» [27], Дж. Александер в знаменитых четырех томах «Теоретическая логика в социологии» [28], Н. Смелсер в книге «Объяснение и социальная теория» [29]. К этой категории я бы отнес и свою книгу «Социологические дилеммы» [30]. Но все цели теряют смысл, если главной целью становится бесконечное препарирование работ модных авторов: Что сказал такой-то ученый, как бы он мог сказать это лучше, что он мог сказать, но не сказал, последователен ли он, что он в действительности хочет или не хочет сказать? Чем более эзотеричной, непонятной, неясной, запутанной является теория, тем больше возможностей она дает экзегетическим спорам. Она вдохновляет на отчаянные поиски в темной комнате черного кота, которого там нет. В этом — секрет некоторых современных теорий (например, школы «постмодернизма») и их популярности среди толкователей. Если теория четкая, ориентирована на проблемы, точная и ясная, то в ней найдется немного из того, что можно толковать и критиковать.

В данном случае три наших вопроса многое проясняют. Теория чего? *Других* теорий, отдельных книг, текстов, фантомов социологического воображения, вырождающаяся в конечном итоге в самореферентные упражнения. Теория для чего? Для апологии или ниспровержения теорий: что непременно предполагает возникновение фракций, догматизма, ортоксальных школ, сект, поклонников. Такая теория развивается вспять от «свободного рынка идей» к недоброй памяти «полю борьбы идей». Теория для кого? Для других теоретиков, играющих в интеллектуальные игры в сектах посвященных. С моей точки зрения, такие теории — наименее значимые, часто бесполезные. Часто они перерождаются в эпигонство. Среди некоторых теоретиков бытует следующее мнение. «Социальная теория становится как раз наиболее бесполезной и наиболее жизнеспособной формой интеллектуальной деятельности. Она бесполезна, когда обращается вовнутрь, закрывается на самой себе, превращается в тщетную войну концепций или в возмутительное превознесение интеллектуальных изысканий автора, данной школы, моей традиции, вашей ортодоксальности» [31]. Имеются и другие мнения: «Необходимо впустить свежий воздух в изолированные помещения домашнего теоретизирования. Социальная теория не сводится только к выработке концепций и толкованию концепций других теоретиков» [31]; «Без приверженности определенной общественной роли, социологическая теория превратится в поиск приятного досуга академиков, демонстрирующих лишь декоративную сторону ученой карьеры» [31]; «Без политических и общественных обязательств социальная теория рискует стать эзотеричным, элитным и эксцентричным интересом маргинальных ученых» [17, р. 13]; «Многие ученые, вероятно, полагают, что развитие теории зависит исключительно от пристального

изучения и переработки предыдущих социальных теорий... Вряд ли такая стратегия сможет привести к новым и глубоким социальным знаниям» [20, p. 203].

Я бы не рекомендовал студентам экзегетические теории. Если и включать их в учебные программы, то они должны иметь достаточно узкое применение, во всяком случае, они могут изучаться только старшими студентами и аспирантами в качестве умственных упражнений.

Заключение

Нами показано, что наиболее важными, плодотворными и многообещающими видами теорий, имеющих определяющее значение для социологического воображения, являются объяснительная и эвристическая теории. Аналитические теории играют вспомогательную роль в наладке концептуальных инструментов и выработке языка социологического мышления. Экзегетические теории полезны исключительно для развития навыков критического мышления, но в собственно теорию никакого вклада не вносят и не заменяют другие формы создания теорий.

Объяснительные и эвристические теории образуют многостороннюю мозаику теоретических объяснений и ориентаций. Как разобраться в столь фрагментированном теоретическом поле? К надежной объяснительной теории, адресованной обычным людям, а не только ученым, вполне применим мертоновский принцип «дисциплинарного эклектизма» [32, p. 169]. Этот принцип полезен студентам, изучающим социологию. «Дисциплинарность» в данном случае означает критический подход к теории, ее оценку по внутренним достоинствам, согласованности, убедительности, продуктивности гипотез. «Эклектизм» означает открытое, терпимое, свободное от одностороннего догматизма отношение к альтернативным объяснениям. Такая стратегия разделяется многими современными авторами: «Невозможно предусмотреть все интересные исследователя вопросы о любом значимом явлении в рамках одной теории или даже в рамках согласованных, логически совместимых теорий» [21, p. 435]; «Можно получить обобщенное знание о мире, опираясь на разные, иногда соперничающие точки зрения» [33, p. 79]. Дисциплинарный эклектизм позволяет преодолевать границы между теориями и дисциплинами, выходить за рамки узко понимаемой «социологической теории» и обращаться к «социальной теории» в том виде, в каком она создавалась классиками. Доклад Фонда Гулбенкяна «Открыть социальные науки» (Gulbenkian Foundation, «Open social sciences», под ред. И. Уоллестайна) показывает необходимость объединения социологии с психологией, экономикой, антропологией, когнитивной наукой, политической наукой. Особенно важное значение имеет отказ от некоторых пагубных междисциплинарных разграничений, возникших в XIX веке и оказавшихся очень устойчивыми [34]. Маттеи Доган высказывает аналогичную мысль: «Сети междисциплинарных взаимодействий изживают старую классификацию социальных наук. Сегодня обозначилась тенденция перехода от старых

формальных дисциплин к новым гибридам социальных наук» [35, p. 442]. Преподавание социологической теории должно быть ориентировано на связи между теориями и междисциплинарные взаимодействия, а не на традиционные разделения. Вероятно, в этом заключается самая важная задача, стоящая перед социологическим образованием.

Литература

1. *Mills Ch. W.* Sociological Imagination. New York: Oxford University Press, 1959.
2. *Komarovski M.* Teaching College Sociology // Social Forces. 1951. Vol. 30. P. 252-256.
3. *Sztompka P.* Society in Action: A Theory of Social Becoming. Cambridge: Polity Press, 1991.
4. *Hughes E.* Teaching as Fieldwork // The American Sociologist. 1970. Vol. 5. No. 1 P. 13-18.
5. *Mills Ch. W.* , Introduction" in Images of Man: The CLassic Tradition in Sociological Thinking. New York: George Braziliter, 1960.
6. *Park R.* A Memorandum on Rote Learning // American Journal of Sociology. 1937. Vol. 43. P. 23-36.
7. *Komarovski M.* A Note on a New Field Course // American Sociological Review. 1945. Vol. 9. P. 194-196.
8. *Sztompka P.* The Sociology of Social Change. Oxford: Blackwell, 1996.
9. The Tasks of Social Theory // European Journal of Social Theory. 1998. Vol. 1. No. 1. P. 127-135.
10. Polity reader in social theory. Cambridge: Polity Press, 1994.
11. The Blackwell companion to major social theorists. Oxford: Blackwell, 2000.
12. Handbook in social theory. London: Sage, 2000.
13. *Baert P.* Social theory in the twentieth century. Cambridge: Polity Press. 1998.
14. *Scott J.* Sociological theory: Contemporary debates. Cheltenham: Edward Elgar, 1995.
15. Sociology in Europe / Ed. by B. Nedelroann, P. Sztompka Berlin: De Gruyter, 1993.
16. *Smelser N.* Sociology's next decades: centrifugality, conflict, accommodation // Cabier de recherche sociologique. 1990. No. 14. P. 35-49.
17. *Turner B.* Intriduction // Blackwell companion to social theory. Oxford: Blackwell, 1996. P. 1-19.
18. *Merton R.* The position of sociological theory // American Sociological Review. 1948. Vol. 13. P. 164-168
19. International handbook of sociology / Ed. by S. Quah, A. Sales. London: Sage, 2000.
20. *Baert P.* Social theory in the twentieth century. Cambridge: Polity Press, 1998.

21. *Calhoun C.* Social theory and the public sphere // The Blackwell companion to social theory/Ed. by B. Turner. Oxford: Blackwell, 1996.
22. *Dryzek J.* Discursive democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
23. *Kuhn T.* The structure of scientific revolution. 2nd ed. Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
24. *Dawe A.* Theories of social action // The history of sociological analysis / Ed. by T. Bottomore, R. Nisbet. New York: Basic Books, 1978. P. 362-417.
25. *Sztompka P.* Robert Merton on social structure and science. Chicago: The University of Chicago Press, 1996.
26. *Parsons T.* The structure of social action. Glenkoe: Free Press, 1937.
27. *Giddens A.* Capitalism and modern social theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
28. *Alexander J.* Theoretical logic in sociology. 4 vols. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.
29. *Smelser N.* Explanation and social theory. Englewood Cliffs, Prentice Hall, 1968.
30. *Sztompka P.* Sociological dilemmas: Toward a dialectic paradigm. New York: Academic Press, 1979.
31. European Journal of Social Theory. 1998. Vol. 1. No. 1.
32. *Merton R.* Sociological ambivalence. New York: Free Press, 1976.
33. *Alexander J.* New theoretical movement // The handbook of sociology. Newbury Park, 1988. P. 77-102.
34. *Wallerstein I.* Should we unthink the nineteenth century? // Rethinking the nineteenth century. Westport: Greenwood Press, 1988. P. 185-191.
35. *Dogan M.* The new social sciences: Cracks in the disciplinary walls // International Social Science Journal. 1997, September. Vol. 153. p. 429-443.